

Игорь Комаров

СТОЛЬНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Игорь Комаров
Стольник Великого князя

«Алисторус»

2023

УДК 329
ББК 66.632

Комаров И. Н.

Стольник Великого князя / И. Н. Комаров — «Алисторус», 2023

ISBN 978-5-00180-939-5

В книге И. Комарова «Стольник великого князя» имена главных героев и их приключения вымышлены и наложены на исторические события 14-го века. Здесь и военные походы великого князя Дмитрия Донского, направленные на объединение разрозненных княжеств древней Руси, и их противостояние монгольской Орде. В книге рассказывается о борьбе с Великим княжеством Литовским, предпринимающим попытки стать центром объединения русских земель; защите населения от речных пиратов ушкуйников, прежде именуемых викингами, изгнанных из морей и разграбивших 100 городов Руси; пресечении попыток норманнов вести идеологический захват Руси, распространяющих свое влияние на Великий Новгород через торговую организацию Ганза, ставшую монополистом на Балтике. «В своей книге мне хотелось заинтересовать в первую очередь молодежь великими достижениями наших предков в промышленности. Именно на Руси изготавливались самые прочные и смертоносные мечи из кованого булата и делались самые мощные в мире луки, стреляющие на расстояние пятисот метров. Один такой лук был найден при археологических раскопках древнего Новгорода и хранится в музее Великого Новгорода. Он прошел пять экспертиз, две из них международные, которые признали его древность и уникальные тактико-технические характеристики, – рассуждает автор. – Я также ставил своей задачей показать, как из маленького городка Москвы, благодаря умной и грамотной политике наших предков, было создано огромное и сильное государство, имя которому Русь». Книга предназначена для всех, кто любит и интересуется историей.

УДК 329
ББК 66.632

ISBN 978-5-00180-939-5

© Комаров И. Н., 2023

© Алисторус, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игорь Комаров
Стольник Великого князя

© Комаров И.Н., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Глава 1

Засада

Боеслав сидел за столом монастырской трапезной.

В начале осени солнце было не такое жаркое, как летом, когда сжигало своими лучами все живое, превращая траву в солому, но пригревало на славу. В монастыре на обед была уха из судака, мясных блюд в этот день не подавали. Он медленно жевал хлеб, ловко отрезая от горбушки маленькие кусочки обоюдоострым запоясным ножом, который русичи всегда носили при себе и пользовались им во время еды.

Рядом с ним сидели десять дружинников, призванных великим князем Дмитрием в дружину из черносошных вольных крестьян незадолго до Донской битвы на Куликовом поле, когда отдельные русские князья, нарушив договор, не пришли со своими дружинами на бой с Мамаем. Потому и потери русской рати были столь велики, что хлебопашцы, не знающие воинского мастерства, бились с хорошо обученным войском степняков, встав под знамена великого князя Дмитрия. Эта битва с Мамаем стала народной, потому что отцы семейства готовы были рвать голыми руками ненавистных захватчиков, чтобы завоевать свободу своим семьям, отстоять свою веру и землю русскую, и Сергей Радонежский благословил их. Десять парней, хорошо показавших себя в битве на Дону, были переданы Боеславу в подчинение, и теперь порубив боевыми засапожными ножами, которыми пользовались в ближнем бою, монастырский хлеб крупными ломтями, уплетали уху. Чавканье от поедания ухи стояло такое, что даже наглые мухи боялись подлетать и сидели на стенах трапезной.

– Ты чего, сотник, уху не ешь? – удивился сидящий рядом с Боеславом дружинник по имени Бус, облизывая ложку. – Монахи встретили нас хорошо, но это на сегодня последняя трапеза и до утра кормить не будут. – Бус звал Боеслава сотником еще с Донской битвы, где бился с монголами под его командованием.

– А я утра ждать не буду, дело сделано, поручение великого князя выполнено, владыка Сергей одобрил. Вечером по холодку в село Коломенское к жене поскачу. А она у меня такая мастерица расстегаи с рыбой делать – язык проглотить! И всегда чувствует своим бабским чутьем, когда муж приедет.

– А как же ты без охраны? – спросил Бус. – В твоей голове много секретов, раз ты такую должность занимаешь при великом князе.

– А мы никому не скажем. А утром заедете за мной в усадьбу, и вместе к княжескому столу в столицу поскачем.

– Ты сотник, тебе видней, – сказал Бус, протягивая монаху, собирающему посуду со стола, свою тарелку.

Дружинники, позевывая, вылезали из-за стола, но Бус спать не спешил. Посерьезнев, он спросил:

– А вот ты скажи мне, Боеслав, почему князь Владимир эту веру принял? Меня в монастырских стенах всегда на такие разговоры тянет.

Боеславу нравилось, что в отличие от других Бус проявлял интерес к знаниям. Полезно иметь умного помощника с хорошей памятью, который не только саблей умел махать.

– Рассказать недолго, только завтра ты все забудешь, – сказал Боеслав, хитро улыбаясь.

– А ты, сотник, проверь! Вот после рождества спроси, и если я все дословно не повторю, ты мне больше ничего не рассказывай. – Бус сделал обиженную гримасу.

– Хорошо, слушай, – откликнулся Боеслав. – Сначала князь Владимир хотел изменить веру русичей, сделав пантеон в Киеве из шести языческих богов. В центре он поставил бога балтийских славян, которому поклонялись его отец и дед, – Перуна, а вокруг разместил: Хорса,

Дажьбога, Стрибога, Симаргла, Мокошь. Только не приняли русичи этих восточных богов и продолжали молиться Велесу и Илье-пророку.

– А зачем он пять иранских богов поставил в пантеоне? – удивился Бус.

– Сложно сказать... – развел руками Боеслав. – Возможно, хотел склонить наших предков к мусульманской религии, уж очень любвеобилен был князь. В каждом селении, где его дружина останавливалась на ночлег, во время сбора дани у него наложница была, а дань полгода собирали, – вот и посчитай. Чтобы ты понял, надо рассказать, откуда эта вера взялась. Но хватит ли у тебя терпения, Бус?

– Сдюжу, – сказал Бус, – я хочу много знать, и как можно быстрее.

– Ну так слушай, – сказал Боеслав и начал рассказ. – Скажи, Бус, ты слышал про ромеев – я их зову римлянами, а их великие князья называли себя императорами?

– Да, ребята из старшей дружины много рассказывали, когда на Дон ехали, – сказал Бус.

– Это было время «военных императоров». Кто руководил легионами – так они свою рать называли, – тот и был императором. Языческий культ «Непобедимого Солнца» исповедовали все воины – императоры, включая и Константина Равноапостольного. Война в их империи не затихала, но чаще всего легионеры так называли их дружинников, бились друг с другом, заставляя командиров вести их в смертный бой, против своих же соратников и боевых друзей. Легионеры-язычники превратили в привычку и доходный промысел смену императоров, потому что по заведенному обычаю новый император давал воинам денежный подарок. Победил в этой междоусобице Константин, который повесил на знамена своих легионов вместо орла крест. Он объявил, что обеспечит в империи для христиан все права и пополнил свои легионы христианами. Они разгромили огромные армии язычников Максенция и Лициния и вошли в город Рим. Христиане, которые воевали в войсках Константина, знали, что это их война, что они идут в бой за свою веру. Так у римлян появились христианские общины, и христианство стало их религией. Константин I перенес столицу из Рима в Византию, в город, названный его именем, – Константинополь. Христиане своим трудом и праведной жизнью возвысили империю и стали примером для многих.

Княгиня Ольга своей богоугодной жизнью и делами своими после крещения послужила примером в выборе веры для своего внука Владимира. Ты крещен от рождения, Бус, и язычников знаешь плохо. Всякое возвышение одного человека над другим язычниками осуждалось. В их понятии Руси как Родины не существовало, род был основой. Вера для них – это сама жизнь и проявление духа. Владимир Красное Солнышко понимал, что язычество очень слабо и миролюбиво перед новыми религиями, и это может привести к гибели Руси. Люди, которые говорят, что Владимир Красное Солнышко, разослав послов, слушал их доклады и выбирал веру по красоте обрядов, всё упрощают и недооценивают ум наших князей. Все князья на Руси имели хорошее образование, знали не меньше пяти языков – так как их учили умнейшие люди тех времен. Владимир хотел разобраться во всех религиях, которые могли как возвысить, так и уничтожить Русь.

Появилось много сект, которые выдавали себя за истинно верующих и таили большую опасность. Манихеи, преследуемые мусульманской инквизицией, бежали на Дальний Восток. Уйгуры приняли их религию, в результате манихеи перессорили их со всеми соседями и привели Уйгурское ханство к гибели. Еще до княжения Владимира начало распространяться антиисламское карматское движение. Карматы, или, как их еще называли, исмаилиты жили в городах и селах, выдавая себя за мусульман. Но по ночам они собирались в отряды, совершали убийства и нападали даже на замки. В 910 г. ифрикийцы решили принять мусульманство, но под видом мусульман к ним пришли исмаилиты, которые использовали население и их армию для захвата мусульманских территорий и своей выгоды. Очень тяжело разобраться в религиозных течениях: зиндики, маркиониты, павликиане, богомилы, катары и альбигойцы – почти все они исповедовали свои учения, тайно представляясь истинными православными, католи-

ками или мусульманами. Представь, насколько сложно было Владимиру Красное Солнышко принять решение о выборе веры, которая должна была объединить Русь. Владимир выбрал ту веру, которая уже была на Руси, и народ ее принял.

– Откуда ты так много знаешь о Востоке? – спросил Бус.

– Мои предки воевали и жили в Русской крепости недалеко от Святой Земли, моя прабабушка арабкой была. В крепости была большая библиотека, и я читал день и ночь, – сказал Боеслав. – Об этом расскажу позже... Заговорился я с тобой, помоги мне в дорогу надеть броню.

– Я и коня помогу подготовить! – резко вставая, сказал Бус.

– Кольчугу одному не надеть, а с остальным сам управлюсь, – махнув рукой, сказал Боеслав. – Ты лучше сходи, проверь, все ли наши ратники в монастыре. Предупреди, что я приказал всем спать перед дорогой и монастыря не покидать, а утром, когда свидимся, доложишь. Остаешься за старшего, смотри, чтобы дружинники никого не обидели! – Боеслав назидательно поднял указательный палец десницы вверх.

– Как прикажешь, сотник, – сказал Бус, прикладывая руку к сердцу.

Бус был светло-русый, кареглазый и курносый парнем среднего роста, немного толстоватым, с большим круглым, как тыква, животом. Но при этом очень сильным и ловким, ну, а его веселый, неунывающий характер был известен всем.

Боеслав выехал за ворота монастыря, когда на поля опустился прохладный туман и красные отблески заката, предвещавшие будущий солнечный день, пропали за макушками деревьев. Его боевой конь Амбал шел рысью, и Боеслав менять аллюр не хотел, наслаждался прохладой после дневной жары. Проехав посадские дома, перешел на галоп.

Небо было светлое, от полной луны дорога струилась серебряной змейкой. Он выбрал маршрут подальше от леса, так спокойнее. Подъехав к мосту через реку Кончуру, долго стоял, прислушиваясь: идеальное место для засады татей. Достал дедов меч, символ его гордости и зависти окружающих, потому что у него был обоюдоострый клинок с длинной и изогнутой сабельной рукояткой; этот меч дед Боеслава привез после боя с мадьярами. Этим мечом можно было рубить с коня и наносить тычковые удары, более разрушительные, чем у сабли. А популярные каролинские мечи, ковавшиеся в империи Карла Великого, которые так любили викинги, просто вылетали из рук во время конного боя из-за маленькой и неудобной рукоятки. Боеслав рысью проехал до середины моста, а затем галопом выехал на разбитую повозками дорогу. Убрав в ножны меч, поехал дальше.

Впереди дорога проходила у опушки леса, который узкой полосой доходил до обочины дороги. В ельнике вспорхнули два вяхиря, видимо испугавшись приближения в темноте леса крупного животного или человека. Конь Боеслава тоже почувствовал опасность, весь напрягся и стал зло храпеть. В воздухе послышалось шмелиное гудение, Боеслав поднял коня на дыбы – и тяжелая стрела арбалета проскочила под его брюхом!

Боеслав повалил коня на левый бок и, упав в высокую траву, замер, поглаживая шею коня и ласково шепча ему на ухо: «Тише, тише». Амбал рвался в бой, но был приучен беспрекословно выполнять команды хозяина, что не раз спасало Боеславу жизнь в бою, поэтому продолжал лежать. Укрывшись крупом коня, он был неуязвим. Увидел, как две темные фигуры отделились от опушки леса и пошли к нему. Стреляли по коню, решил Боеслав, арбалет взяли, чтобы тяжелой арбалетной стрелой, называемой болтом, наверняка прострелить круп коня с плотной боевой попоной.

«Живым хотят взять, думают, что меня конем придавило. Ну, милости просим!» – приговаривая Боеслав, доставая меч.

– Сотник, держись, иду на помощь!

«Ну, принесла нелегкая...» – подумал Боеслав, услышав топот коня и громкие крики Буса, скачущего по дороге во весь опор и размахивая саблей. Фигуры татей метнулись к лесу, где их, видимо, ждали кони.

Подъехавший Бус спрыгнул с коня и подбежал к Боеславу:

– Ты не ранен?

– Нет, и конь цел, – ответил Боеслав.

– Так давай этих татей догоним, а то уйдут! – кричал Бус, показывая рукой на лес.

– Сейчас важнее другое, скачем в монастырь! – Боеслав запрыгнул на коня и, подстегивая его плетью, помчался к монастырским воротам. Монастырская стража смотрела на скачки московитов с явным пренебрежением. Боеслав, подскакав к конюшне, спрыгнул с коня, а Бусу крикнул:

– Быстро собери всех наших в трапезной!

Пробежав к воротам монастырской конюшни, Боеслав зашел внутрь и стал при свете зажженных им при входе факелов осматривать коней своей дружины. Убедившись, что коней с их приезда в монастырь никто не брал, пошел в трапезную. В трапезной стояли построенные Бусом сонные ратники, держа в руках боевое снаряжение.

– Все на месте? – спросил он у Буса

– Да, сотник, все здесь, – сказал Бус, показывая рукой на дружину. Одежда у всех дружинников и обувь были вычищены, видно, что готовились к утреннему выезду с вечера.

– Команд моих не нарушаете, значит молодцы! Всем спать, с первыми петухами выезжаем. – Боеслав показал рукой на кельи, где спали воины. Когда ратники разошлись, сказал Бусу:

– Проверить хотел, не уходят ли слухи о нашем пребывании за пределы монастыря. Получается, что уходят, вопрос только – от кого? Не случайно меня поджидали на дороге, знали, что поеду. Но заодно и своих воинов проверил: не мои ли дружинники в той засаде были. Видно, нет, и это радует.

– Да как ты такое... – начал Бус, поднимая руки вверх.

Боеслав его остановил, похлопав по плечу, и сказал:

– Всякое бывает. Рано или поздно кого-нибудь подошлют литовцы или ордынцы, надо быть готовыми... А может быть, он уже среди нас? – затем добавил: – А по ночам никого не преследуй, а то в засаду попадешь. А с теми, кто убежал, думаю, скоро увидишься. Далеко они не побегут, всегда рядом будут. А сейчас спать.

Утром Боеслав взял трех дружинников и зашел с ними в помещение монастырских писарей. В большой комнате, побеленной известкой, их ждали три холщовых мешка на полу и дорожная сумка. Дьяк Николай поздоровался с ратными людьми, перекрестил, прочитав короткую молитву, пожелал счастливого пути. Боеслав дал команду ратникам взять по мешку и приторочить к седлам. Когда они вышли, обратился к Николаю:

– Ко мне дьяка Мала можно позвать? Надо местность осмотреть недалеко от монастыря.

Николай кивнул труднику, добровольно и бескорыстно работающему и проживающему в монастыре. Молодой парень выбежал на улицу позвать монаха Мала.

– Ночью не спалось, выехал за пределы монастыря прогуляться, и меня обстреляли. Хотелось бы знать, кто это сделал.

– Плохо! Видимо, недруги тебя караулят, может не надо груз брать? – сказал обеспокоенный Николай.

– Это ничего не изменит, пока не найдете, кто ворохам все сообщает, а на это много времени уйдет, – сказал Боеслав тихим голосом. – По ним видно, что мало они знают о том, что повезем. Знали бы точно, не стали обстреливать меня ночью, прекрасно видели, что я пустой еду. Больше будут знать, лучше подготовятся.

В комнату вошел монах Мал. Он как две капли воды был похож на родного брата Николая: такой же жилистый, невысокого роста, лет сорока и весь седой, но, в отличие от брата, его густая борода была коротко подстрижена. Мал раньше был хороший охотник на пушного зверя, ходил за Яик, но возраст стал мешать зимовкам в тайге, и он пришел в монастырь. Мал всегда был немногословен, лишь кивнул Боеславу и брату и, встав у стола писаря, стал рассматривать перья для письма.

Николай сказал:

– Боеслав, чтобы время не терять, выезжайте, а я ему все расскажу, и он вас догонит за мостом.

Взяв дорожную сумку, Боеслав вышел на улицу. Его дружинники сидели в седлах, ждали команды. Быстро прикрепив дорожную сумку, Боеслав вскочил на коня и, крикнув: «За мной!», выехал из монастыря. Подъехав к месту нападения, Боеслав отстал от своей команды. Он рассказал догнавшему его Малу о событиях тревожной ночи. Тот, как всегда, молча кивнул, слез с коня и пошел к лесу.

Боеслав, догнав своих ратников, остановил их и, когда они окружили его кольцом, поставил задачу каждому воину. Задача была проста: по его команде рубить всех, кто будет перед ними, и если убивают коня, к которому приторочен мешок или монастырская дорожная сумка, сразу перебрасывать груз на другого боевого коня. После этого продолжили путь.

Дорога была пуста, крестьяне после уборочной и сева озимых занимались заготовками продуктов на зимний период и из своих хозяйств выезжали только по крайней необходимости. К мосту на реке Яузе подъехали засветло, здесь была Сокольническая застава засечной стражи, последняя перед Москвой. На подступах к переправе деревья рубили так, чтобы создать завалы, непроходимые для конницы. У дороги был частокол и вышка, на которой стоял смотрящий лучник, чтобы заранее увидеть отряд монгольской конницы или татей. Увидев издалека дружину Боеслава, старший сторож, улыбаясь, поднял руку в приветствии.

Боеслав дал команду дружинникам подготовиться к бою:

– Лучники Стырята, Ивка, Яким – выбиваете стражу, которая бревном может загородить нам проезд на мост. Петрко – для тебя сторож на вышке, остальные рубят. Все работают после того, как я выхватываю меч, а сейчас достать луки.

Как только подъехали ближе, старший сторож крикнул:

– Боеслав, тебе бумага от княжича! – и достал из сумки свиток.

За старшим стояли два угрюмых воина стражи без щитов и шлемов, засунув обнаженные кисти рук за ратные пояса, и всем своим видом не проявляли никакой агрессивности. Уступом построились, подметил Боеслав, а сам крикнул:

– Давай! – и направил коня к старшему сторожу, который улыбался широкой доверчивой улыбкой. Боеслав ответил ему такой же улыбкой и протянул левую руку к свитку. А правой вдруг резко выхватил из ножен на сапоге свой боевой нож и воткнул его в грудь старшего сторожа засечной стражи по самые гарды, крикнув своим:

– Руби!

Резко оттолкнув тело старшего ногой в руки сторожа, стоявшего сзади, выхватил меч и проткнул второго сторожа, пытавшегося схватить коня Боеслава под уздцы. А затем резким взмахом меча снес голову сторожу, на которого повалился старший. Амбал, почуввав кровь битвы, сделал скачок, сбив еще одного сторожа, пытавшегося схватить его за поводья, и растоптал копытами, а затем, почувствовав команду хозяина, рванул во весь опор в сторону моста.

Кинув меч в ножны, Боеслав поднял на дыбы коня, чтобы посмотреть, как воюет его дружина. Дружинники Боеслава действовали быстро и точно, сторож на вышке был сбит первой стрелой, а сторожа, пытавшиеся загородить дорогу к мосту, уже висели на заградбревне, пронзенные стрелами. Остальные сторожа засечной стражи, увидев, что старшего убили, героизма проявлять не стали и забежали за частокол, схватившись за луки.

– Щиты на спину и вперед! – скомандовал Боеслав своей дружине и помчался к мосту. Увидев спрятавшегося в кустах у моста стража с луком, он выхватил из-за пояса хазарский чекан и метнул его в сторожа. Длинное лезвие чекана, сверкнув в воздухе, попало лучнику в шею. Хлынул фонтан крови, и лучник, выронив лук, покатился по крутому берегу Яузы в реку, сверкая кольчугой.

Когда его воины заехали на мост, Боеслав крикнул:

– Бус со мной, остальные вперед! Сбрось мешок и поддержи моего коня, – добавил он уже Бусу, прикрываясь щитом от стрел. Достал трут, поджег веревку мешка и, забросив щит на спину, пришпорив коня, помчался во весь опор вместе с Бусом за своей дружиной.

Как только Боеслав поравнялся со своими воинами, раздался оглушительный взрыв. Высоко в воздух поднялись доски разрушенного моста и тела коней и сторожей, отправившихся в погоню за ними. Кони дружины Боеслава обезумели от страха и неслись по дороге, почти не касаясь копытами земли. Только у первых московских построек Боеслав остановил коня и собрал своих дружинников вокруг себя.

– Что это было? – крикнул любопытный Бус.

– Вопросы потом! Сколько раненых? – спросил Боеслав, отмечая не без удовольствия, что его дружина проскочила засаду без потерь. Оказалось, было двое раненных в ноги и один в руку, торчали стрелы и из коней, но серьезных ранений не было. Да и у Амбала из холки торчала стрела, отчего он недовольно раздувал ноздри и сильно храпел.

Похлопав его по шее, Боеслав ласково сказал:

– Ничего, дружище, на Дону бывало и хуже.

Бус не удержался и спросил:

– Как же это мы своих?..

– Где ты своих видел?! – зло крикнул Боеслав. – Но вопросы потом, а сейчас скачем до тайной палаты Ближней государевой думы. Я с Бусом беру мешки, захожу внутрь. После того как Бус выйдет, вся дружина скачет вместе с ним на наше подворье. Раненых дружинников и коней – к лекарям, и отдыхать до моего прихода и ни с кем не болтать о нашей поездке. А если кто спросит, скажите, что на охоту ездили, много меда выпили и постреляли случайно друг друга... А сейчас скачем на Варварку, – сказал Боеслав, махнул рукой, и вся дружина рысью поскакала за ним.

Глава 2

Тайная палата

В тайной палате, в здании из белого камня недалеко от Кремля, Боеслава ждал одетый не по чину роскошно очень юный и честолюбивый княжич Юрий. Он сидел на красивом арабском стуле со спинкой и подлокотниками, справа от него стоял умный и опытный наставник старец Савва.

Зайдя в зал, Боеслав с Бусом поставили мешки и дорожную сумку к стене и, сняв шлемы, поклонились княжичу. Когда Бус вышел, хранивший молчание княжич назвал Боеслава не по имени, а по должности – стольником, из чего можно было сделать вывод, что, несмотря на спокойный голос, он весь кипит от гнева:

– Ну, стольник, вижу, что прибыл в шлеме и брызгах крови на одежде – значит, дрался в пути. Мешка одного не хватает, и взрыв даже здесь слышали... Бей челом и кайся, что пошло не так. А я послушаю и решу, как тебя наказать за то, что ты моего наказа ослушался сделать все тайно и тихо. Может быть, напрасно мы тебя возвысили из сотников в стольники.

Савва положил руку на плечо Юрия, успокаивая его буйный нрав.

– Извини меня, холопа твоего, великий князь, за ослушание, но не мог поступить иначе. – Опустившись на колени и умышленно назвав Юрия великим князем, так как он мог наследовать этот титул, начал свой доклад Боеслав. – Предатель в Троицком монастыре завелся и литовцам наши планы выдал. Засады мне учинили в двух местах, знали, что поеду, но не знали с чем, и ждать долго нельзя было, чтобы более хитроумного плана не придумали. Прорвались с боем без потерь, несмотря на засаду большую на Сокольнической засечной переправе на Язуе, сабель в тридцать. Одним мешком пожертвовать пришлось, отбиваясь от погони.

Выслушав Боеслава, после небольшой паузы княжич сказал:

– Савва, вызови ко мне Боброка Волынского. Хочу поинтересоваться у него, как литовские дружины без помех по княжеству московскому воюют, а великий князь Дмитрий ничего не знает. Дьяка опытного с людьми и охраной отправь к Сокольнической засечной заставе и в монастырь следствие чинить и скажи, пусть письмами докладывают тебе каждый день. А ты, Боеслав, – сказал княжич уже спокойно, – жди до конца проверки со своей дружиной моего решения в Москве.

Когда Боеслав подъехал к усадьбе своего отца на Бронной, переданной ему для размещения ратников, даже любопытный Бус, увидев его, сразу все понял и с вопросами не приставал. Лекари закончили свою работу и, поклонившись Боеславу, ушли. Воины уплетали в трапезной картошку со шкварками, запивая квасом. Когда Бус снял с него кольчугу, Боеслав спросил:

– Баню топят?

Бус ответил, что скоро будет готова, и добавил, что рану его коня уже осматривает конский лекарь. После бани Боеслав сел на топчан в своей комнате и попросил Буса принести еды. Бус терпеливо ждал, когда Боеслав поест, и по его лицу было видно, как его разбирает любопытство.

Боеслав отставил в сторону пустую тарелку и, опережая вопрос, сказал:

– Могло быть и хуже... Умные люди разберутся, если заслужил, накажут.

– Ты, сотник, хоть расскажи, что мы везли? – спросил Бус. – Такую охоту на нас устроили, неужели из-за пороха?

– Нет, конечно, – потянувшись, сказал Боеслав, – за моей дорожной сумкой охотились. Я родился в Сирии, там жили мои родители в Русской крепости. Мои предки начали воевать еще в дружинах Олега Вещего, и вот после одного успешного похода за Каспий их дружина возвращалась на Русь через Хазарию. За проход через их земли дружина обещала отдать половину

всей военной добычи, но жадный хазарский каган пожелал забрать все, убив наших воинов. Дружина была измотана походом и против хазарского войска устоять не смогла бы. Поэтому приняли решение вернуться назад и построить на Востоке крепость в устье реки, которую стали звать Русской. Так и сделали, это была крепость, в которой жили и ходили в боевые походы наши воины, а на родину ездили небольшими отрядами как купцы. В крепость прибывали русские воины после неудачных военных походов. Хазарский император Иосиф начал войну с Византией и потребовал принять участие в этом походе русские дружины на морских ладьях. Отказать хазарам не могли и выставили 10 тысяч кораблей с ратниками по сто воинов в каждой ладье. Но Византия была сильна, и оружие у них было невиданное по тем временам – Греческий огонь. Огонь выбрасывался как огненная вода, далеко вперед уничтожая все на своем пути. Наши воины проиграли морское сражение Византии и, высадившись на берег, оказались между двух огней. С одной стороны Византия, с другой хазары. Хазарский командующий Песах получил указание убивать всех проигравших битву русских воинов. Вот они и вынуждены были прийти к моим предкам в Русскую крепость... Так в этих божественных местах собралось целое русское войско.

– А откуда у хазар была такая сильная армия? – спросил Бус.

Боеслав перешел на кровать, улегся поудобнее и продолжил:

– Хазары охраняли Шелковый путь из Китая в Европу и на Восток. Китайский шелк всегда ценился очень дорого. Он красив, прочен, его с большого расстояния даже стрела не пробивает, поэтому воины Чингисхана были в шелковых рубашках под кольчугой. Самое главное, что в нем не заводятся вши и прочая гадость, поэтому шелк всегда был по цене золота. На одну чашу весов кладут шелковую ткань, а на другую золото. Китайские купцы очень щедро платили за охрану, и этот путь шел по Руси и приносил нам много бед. Сначала хазары со своим наемным войском, потом монголы. Всем им нужен был Шелковый путь, остальная территория Руси их не очень интересовала.

Боеслав продолжал свой рассказ:

– В сирийской крепости мои предки встретили европейских грабителей, которые под видом крестовых походов пришли грабить на Восток, но только первый поход был у них удачным. Среди русских воинов было много православных, поэтому крестоносцы их не трогали. А потом и помощи попросили. Когда рыцарей тамплиеров стали сжигать во Франции на кострах, многие приехали прятаться в Русскую крепость и оставили на хранение Копье Судьбы. Это наконечник копья, которым был убит Иисус Христос во время казни. Много тамплиеров было переправлено на Русь вместе с драгоценностями, а наконечник копья так и оставался в крепости. Копье Судьбы считается христианской святыней, которая служит только светлым силам, а не темным. Оно обладает божественной, небесной, невероятной силой, является символом всемогущей власти. Кто владеет этим копьем, тот владеет миром. Турков-сельджуков мои предки не боялись, их не подпускали к Латакии мамлюки, многие из которых были славяне и поэтому защищали этот маленький островок Руси на Востоке. Мамлюки – это египетские воины-рабы, почти наполовину состоящие из славян. Египтяне скупали у крымских и казанских татар, ходивших в боевые походы на Русь, мальчиков, захваченных теми в полон, и делали из них воинов. Проблемы возникли при Тамерлане. Тимур точно знал, что хранится в Русской крепости, и его воины приближались все ближе и ближе, а противостоять воинскому умению Тамерлана и его великолепным наемникам никто не мог. Он брал в войско тех воинов, кто на всем скаку мог нанизать на острие копья обручальное кольцо. Это тебе, Бус, не монгольские скотоводы, хотя они тоже хорошие воины, но до воинов Тамерлана им далеко.

Чтобы уберечь жителей крепости, я и отправился как купец на Русь с Копьем Судьбы и доставил его в монастырь Сергия Радонежского, а он, когда благословлял великого князя Дмитрия Ивановича на бой, на Куликовом поле дал ему это копье. Копье Судьбы участвовало в битве на Дону и было возвращено в монастырь. А теперь я его привез из монастыря, и оно будет

замуровано под одной из башен Кремля тайно в фундаменте, чтобы ни Москву, ни Кремль с бою никто не взял. Хватит с нас последнего набега Тохтамышша на Москву... Правда, приступами взять каменные стены монголы не смогли, а ворвались в крепость хитростью – сами москвичи ворота открыли, поверив предателям. Вот почему все так переживали за наш поход: нельзя было больше держать Копье Судьбы в монастыре.

Митрополит Киприан в Москву рвется, а великий князь его не пускает, не верит ему после его бегства из Москвы, окруженной войсками Тохтамышша. Митрополит Киприан с тверскими и литовскими князьями дружбу водит, а литовцы как коршуны над Русью кружатся и хотят выслужиться перед папой Римским, особенно молодой Ягайло, а с ними заодно и отдельные русские князья безродные. Уже три войны с литовцами было, три раза во время литовщин пытались Кремль взять приступом, но не получилось у Ольгерда ничего. А насылал врагов этих тверской правитель Михаил Александрович с помощью свояка великого князя Литовского Ольгерда и прятался потом у него в Литве, когда наш великий князь после третьего похода литовцев с девятнадцатью русскими князьями пошел войной на Тверь. Он и сына своего, преемника Ивана Михайловича, женил на Марии, дочери великого князя Литовского Кейстута Гадеминовича, чтобы у него в дальнейшем поддержка была со стороны ее родного брата Витовта Кейстутовича. С Тамерланом у нас хорошие отношения, заключен мир, но помани мое слово – придет время, и он придет к стенам Кремля за этим копьём, и будет лучше, если никто не будет знать, где оно замуровано. Тогда Тамерлан уйдет без боя.

– Скажи, – спросил Бус, – а откуда ты знаешь, что с Тамерланом у нашего князя мир?

– Очень просто: я вожу Тамерлану тайные письма как купец, поставляющий к его столу меда. Любит Тимур вина и хмельные меда наши пить во время пиров своих. Я родился и жил на Востоке, языки и обычаи знаю. Кому, как не мне, все эти поручения выполнять и о том, что происходит в этих краях, докладывать. Тимур не любит Тохтамышша, предавшего его, хочет забрать у него власть и пустить Шелковый путь по своим территориям под контролем и охраной своих людей, таких как Эдигей. Вот в этом его интересы и интересы наших князей сходятся.

– Скажи, сотник, а почему мы не можем от монголов избавиться, зачем наши князья их терпят?

– Вначале они нужны были друг другу, – ответил Боеслав, – ведь князьями они стали при монголах, когда ханов монгольских царями признали. Это монголы власть над славянами им дали. Кто они были до монголов – командиры дружины, и никто их к вопросам управления не подпускал, всем командовали народное Вече и общины крестьянские. Монголы не хотели иметь дело с народным Вече, им для управления покоренными народами нужен был один человек, отвечающий за все своей головой. Только тогда князья, как их называли в своих грамотах монголы, стали получать ярлыки на правление в славянских землях, которые в этих бумагах называли княжествами. Вот тогда они получили полную власть над землями вятичей, кривичей и других племен. А за сотню лет приучили к этому славянские народы и пугали их тем, что если они не будут им подчиняться, то придут монгольские воины и вырубят их, как это сделали в Киеве.

Монголы вырубали все киевское княжество, и женщин, и детей – никого не пощадили. Да и многие города полян пожгли, видимо, не могли простить, что их дружины участвовали в битве против Чингисхана вместе с половцами на реке Калке. В Киеве десять тысяч домов было и почти столько же за его пределами. А когда через шесть лет монах католический туда приехал от Папы Римского, то увидел только двести домов и людей, замученных работой на монголов. А все поля вокруг Киева костями засыпаны были, потому что хоронить некому было. От таких известий у наших христиан кровь от испуга в жилах стынет, вот они князей и держатся, чтобы защитили. Монголы тоже поняли, что создали большую силу, и их уважение выражается в

том, что они стали родниться с русскими князьями и дворянами, с которыми ранее короли французские и польские роднились.

Я про Ярослава Мудрого говорю, который дочек своих за европейских королей замуж выдавал. Великий князь московский Юрий женился на чингизитке Кончаке, его примеру последовали дворяне: Белозерский, Углицкий, Ярославский, Ростовский. Монголы женятся на русских боярынях. Вот чингизит Еду – хан по прозвищу Сильнохитр – женился, а перед этим крестился и стал Андреем Хитрово. Потомок Чингисхана Салахмир женился на сестре Олега Рязанского Анастасии, его крестили и назвали Иоанн. А этот Иоанн не с пустыми руками в Русь пришел, у него тысяча воинов, и если Олег его призовет, он поддержит его силой подчиненных ему воинов. Великие князья стали давать землю за службу в дружине. Вот все эти тысячки и решили осесть на земле Руси, потому как надоела им кочевая жизнь и ханские межусобицы. Видят, что сила Орды ослабевает и конец ее недалек, и они теперь за землю русскую драться будут и защищать ее как родную.

Великие князья поощряют эти браки, потому что сейчас им необходим мир с Великой степью, чтобы католиков остановить. Александр Невский, родственник нашего великого князя, крестоносцев бил, потому что знал, что за его спиной не только Русь, но и Великая степь. Наше оружие мы закупаем у арабов и турок, а бой ведем как монголы. Крестоносцы обижаются и хулят нас за это, потому что в своих глубоких рыцарских седлах они неповоротливы и их военная тактика идти «свиньей» была задушена степным арканом князя Александра.

Сила Руси в единстве тех, кто на этой земле живет, и поэтому великий князь Дмитрий объединяет княжества, хотя многие ему в этом противятся. Бракам с европейскими принцессами, католичками, необходимо положить конец. Разрослась семья Рюриковичей, нет в этом больше необходимости, и великий князь Дмитрий своей свадьбой пример всем князьям показал. Пришла пора освобождаться и от Орды. Их ханы враждуют между собой, теряя свою силу и мощь, а наши князья, если объединятся, то создадут царство, равного по силе которому нет. Но не так скоро дела такие делаются, и еще немало времени пройдет, а великий князь Дмитрий начало этому объединению положил... Разговорился я с тобой, – спохватился Боеслав, – а надо в дорогу собираться.

– В какую дорогу? – удивился Бус.

– На месте все объясню. Я по дороге в усадьбу знакомого монаха встретил, он мне кое-что интересное поведал, – ответил Боеслав. – Скажи дружинникам, чтобы поверх кольчуги надели рубахи подлиннее. Оружие в сумам с собой берем, поедем как купцы. Двух раненных в ноги здесь оставь, а кто у них спросит, где остальные, то пусть говорят, что на охоту уехали, скоро будут – и больше никаких разговоров ни с кем. В дорогу возьми хлеба, лука и сала дня на три. Через два часа выезжаем, возьми телегу покрепче, чтобы могла церковный колокол перевезти. И мешковины побольше, да веревок подлиннее и покрепче.

Бус вышел из комнаты.

Глава 3

Самоволка

В полной темноте дружина Боеслава выехала из Москвы в сторону Твери. Рогатый полумесяц заволокли непонятно откуда взявшиеся тучи, дорога с трудом просматривалась в такой темноте. Через сутки, не доезжая села Бортенево на ручье Строганец, недалеко от моста сделали привал в лесу.

Боеслав поставил задачу дружинникам:

– Нам предстоит без боя украсть пушку у тверских дружинников – это подарок монголов тверскому князю за его ненависть к Москве, а заодно и мастера-китайца выкрасть.

Бус удивленно спросил:

– У нас своих пушек целая пропасть, зачем нам, воинам, всего одну пушку воровать, да еще таким тайным способом?

Боеслав ответил:

– У нас все пушки каменными ядрами стреляют, а эта металлическими, и летит такое ядро в три раза дальше, чем каменное. А мастер-китаец умеет эти пушки лить и знает, как заряжать, чтобы орудие при стрельбе не разорвало. Такая пушка редкость на Руси! У кого такие пушки – за тем и победа в схватке ратной. Для воровства этого нам необходимо подрыть опоры моста так, чтобы при большом весе груза мост рухнул. Упавшую с телеги пушку на дне реки находят спрятавшиеся в камышах Хыль и Швец. Привязывают к ней веревку и скрытно уплывают в камыши. Ждан стоит с лошадьми в речных кустах и вытаскивает пушку по песчаному дну на противоположный берег к телеге. Заранее из деревьев строим помост и закатываем пушку на телегу. Бус с Хмарой выжидают, когда те, кто вез пушку, пойдут за крестьянской подмогой в Бортенево, чтобы вытащить ее из воды, и незаметно крадут мастера-китайца. Охрана их останется у реки – охранять упавшую в реку пушку, которой там уже не будет, и в село не пойдет...

Да, Хыль и Швец, сделайте себе трубки, чтобы дышать под водой, и полотенца-ширинки из водорослей, чтобы вас никто не заметил. Знаю, что подобный опыт у вас уже есть. Обследуйте дно – если там будут упавшие деревья, мешающие передвижению по дну пушки, откапайте их в сторону, а сами не справитесь – скажите мне. Нам надо дерево на берегу подрыть и завалить в воду, чтобы не было видно над водой веревок, привязанных к пушке. Они будут протянуты под стволом поваленного в воду дерева.

– Я видел у моста такое дерево рядом с рекой и наклоном ствола к воде, – сказал Бус. – Его даже подрывать не надо – привяжем веревки и завалим лошадьми так, будто оно само упало.

– Молодец, – сказал Боеслав, – схватываешь все на лету. А теперь выстави двух дозорных по разным берегам, пусть местных пугают, как тати. А увидят обоз, сразу пусть снимаются и бегут сюда.

Боеслав отозвал Буса в сторону и тихим голосом сказал:

– Я отъеду до ближайшей корчмы. Она своими яствами и медами славится на всю округу и стоит на пути тверских дружинников, и они мимо нее не проедут. Я хозяина хорошо знаю, дам ему сонного зелья, чтобы он в бочонок с медами этим дружинникам подсыпал и еды в дорогу дал. Когда у поваленного моста станут, поедят и уснут, нам легче будет пушку воровать.

Боеслав ускакал, а дружина взялась за работу.

Дерево повалили очень быстро. Опоры моста подрывать особой нужды не было, в песке стояли, река сама их уж давно подмыла, – держались на честном слове. Поэтому подрывали только те опоры, что стояли на суше у берега, а ямы забросали илом и прикрыли травяным

дерном. Все, что задумали, сделали быстро. Боеслав, решив все вопросы, вернулся довольным. Дорога была пуста, сказывалась подготовка крестьян к зиме, не до поездок им было.

К полудню один из дозорных прибежал, махая руками и запыхавшись:

– Едут!

Все разбежались по своим местам. Первыми у моста показались два всадника из тверской дружины, осмотрев придорожные заросли, проехали на противоположный берег. Дружинники дали отмашку обозу, который, подъехав к мосту, встал. В обозе было две телеги – одна с пушкой, вторая с металлическими ядрами и порохом в бочках. Два крестьянина, держа поводья в руках, шли рядом с телегами: видимо, жалели лошадей, поэтому и не садились на них. Восемь дружинников скакали рядом с телегами, они были в шлемах и кольчугах, готовые к нападению. Еще четыре крестьянина с топорами, видимо плотники, были в обозе для различных работ и погрузки. С ними был хорошо одетый китаец, похоже, пушечный мастер.

Старший дружины дал команду переезжать мост сначала первой телеге. Возница вышел вперед и, чтобы его не придавило телегой при возможном падении, медленно повел лошадей к противоположному берегу. Старый мост сильно скрипел под тяжестью груза. Боеславу даже показалось, что мост устоит и вся их работа обречена на провал. Но второй возница поторопился и, хотя первая телега еще не вышла на берег, начал движение.

– Куда ты, дурак! – крикнул старший дружины, но было поздно.

Мост стал клониться набок и, лопнув посередине, увлек за собой телеги. Первый возница успел выскочить на берег; воспользовавшись паникой, он удрал в лес от греха подальше. Второй крестьянин был придавлен скользящей с огромной скоростью тяжелой телегой. Лошадям повезло больше – они оторвались от упряжек и выплыли на берег, где их поймали дружинники. Сами они затеяли перебранку, но, быстро успокоившись, отправили крестьян в ближайшее село за помощью вместе с китайцем. Приказав слушаться его – он сообразит, как вытащить пушку и ядра из воды и найдет в селе нужные инструменты. Старший дружинник в напутствие сказал, что, мол, если местные крестьяне не пойдут с вами и не будут давать инструменты, скажите им, что дружина в село придет и всем худо будет.

Бочонки с порохом крестьяне вытащили из реки. Старший дружины, подъехав к краю берега, посмотрел на опоры моста и сказал своим:

– Опоры не подрублены, значит, зла нет и мост сам рухнул.

Объявил привал для дружинников, приказал двоим на противоположном берегу переплыть к ним. Достав из дорожных сумок еду и бочонок с медом, ели жареных кур, запивая медами и не забывая восхвалять заслуги своего князя. Через некоторое время дружинники стали засыпать. Старший дружины, по всей видимости сотник, дал указание посменно караулить одному дружиннику, остальным отдыхать. Но ласковый ветер, отсутствие реальной опасности и большое количество выпитого меда с добавленным в него зельем усыпили и его.

Боеслав, увидев знаки Швеца из камышей, махнул рукой. Веревки, идущие к лошадям, затрепетали. Ждан повел лошадей от реки, веревки натянулись, как тетива лука, но груз шел по песчаному дну без помех. Пушка хоть и медленно, но все-таки двигалась и вскоре оказалась на берегу. Из соседних камышей вышли из воды высокие и жилистые Хыль и Швец, держа в руках круглые металлические шары.

– Это что у вас? – спросил удивленно Боеслав.

– Да это добро на второй телеге везли... Взяли, может пригодятся. И по дну с ними легче идти.

Боеслав догадался, что это новые ядра для стрельбы из пушек. Тогда уж и одну бочку с порохом прихватить надо, пока охрана спит. Может, он лучше нашего, пусть оружейники посмотрят.

Теперь все зависит от скорости. Пушку подтащили к помосту, лошадей запрягли так, чтобы удобнее было закатывать пушку на телегу. Все встали возле пушки – помогать руками закатывать орудие на телегу. Боеслав дал команду – начали! Но рядом раздался голос Буса:

– Нас-то подождите!

Боеслав увидел идущих к ним дружинников Буса и громадного гиганта Хмару со связанным китайцем на плече, у того изо рта торчала рукавица.

– Быстро вы! – одобрил Боеслав, показывая на китайца.

– Да-а... – махнул рукой Бус. – Он сам нам помог – по большой нужде захотел, видимо с перепуга, что накажут. Крестьянам сказал, чтобы шли в село, а он их догонит, и в лес шмыгнул. Ну, тут мы его и повязали, вот только рубашку его красивую порвали.

– Да вы мне его хоть голого привели бы – главное, что живой!.. Встали к пушке и начали, – скомандовал Боеслав.

Все построились вдоль орудия и быстро закатали его на телегу. Бус посмотрел на спящих тверских дружинников:

– Такой храп в Твери услышать можно! Всю рыбу распугают, так что теперь мальчикам не порыбачить.

– Медов напились, забыли княжеские приказы не пить много спиртного во время боевых походов, – сказал Боеслав. – На реке Пьяни пьяных московских дружинников монголы ночью спящими застали и всех порубали – с тех пор и ограничили возлияния. Это первая битва наших дружин с Мамаем должна была быть. Подождите меня, надо сумку с бумагами у тверского сотника срезать.

– Можно я? – вызвался Бус. Не дожидаясь ответа, он скинул одежду и переплыл реку с запоясным ножом в зубах. Бесшумно подкрался к сотнику, срезал сумку и так же ловко вернулся назад.

– А теперь без шума и быстро движемся по тропе к крестьянской дороге. Обходными путями возвращаемся в Москву, – приказал Боеслав, запихивая сумку сотника в свою дорожную сумку. – Бус, на тебе китаец, положишь его на холку коня.

– Да он маленький и легкий, как мешок с картошкой! – Бус уложил китайца на коня.

Боеслав достал из сумки две рукавицы и подшлемник рязанских ратников, измазал их в водорослях и грязи и бросил в ближайшие кусты. Ехали, молча прислушиваясь, нет ли погони, но все было тихо.

Когда выехали на дорогу, Боеслав сказал дружинникам:

– Всех, кого встретим, забираем с собой, чтобы не выдали наш маршрут тверским. Отпустим пленников около Москвы.

До города доехали за сутки, по дороге встретился один крестьянин на телеге, взяли его с собой. Посадили на крестьянскую телегу связанного китайца и побросали свои вещи, ядра и порох. Крестьянину пригрозили, чтобы не ныл, иначе свяжут, как китайца, и рот заткнут, он до самой Москвы молчал. Подъехав к городу, тверского крестьянина отпустили, приказав чтобы никому не рассказывал, что видел.

На Бронной их ждали дружинники, они поведали, что приходил гонец от княжича Юрия и поинтересовался, где все дружинники и Боеслав, потом ушел, сообщив, что княжич завтра ждет Боеслава в тайной палате. Сказали гонцу, как велели, что все на охоте.

– Все правильно, – сказал весело Боеслав, приказав запереть телегу в амбаре, а китайца в чулане, и выставил посты из остававшихся дома дружинников. – Всем в баню, есть и спать!

Сам он рухнул на кровать, не раздеваясь, и моментально уснул.

Глава 4

Новое задание

Рано утром Боеслав, выйдя из своих покоев, наткнулся на Буса.

– Тебе что не спится? – спросил Боеслав, рассматривая хмурое лицо Буса.

– Страшно мне вдруг стало, что-то плохое княжичу доложат, не хочется понапрасну на дыбе умирать... – сказал Бус, перекрестившись.

– Ничего, Бог даст, выплывем из этого омута! Княжич характером крут по молодости лет, но умен, да и Савва рядом. Думаю, что и с Кириллом Белозерским, советником своим, княжич связался, а тот плохого не посоветует, – сказал Боеслав, направляясь к бане. – Надо умыться, а ты приготовь нам еды.

– Я как знал, воды нагрел, а завтрак уже готов, – сказал хозяйственный Бус, накрывая на стол.

Поели яичницы с холодной печеной курицей и монастырским хлебом, привезенным Бусом из Зачатьевского женского монастыря. Там его пекли монашки, и славился он на всю Москву.

– Китайца, связанного, сажай в телегу с пушкой, ядрами и порохом. Едем на Варварку, – приказал Боеслав, надевая подсадачный боевой нож русских витязей длиной в локоть. Его тонкий, немного изогнутый клинок был предназначен для пробивания кольчуги. Носили его ранее в снаряжении для лучников, называемом подсадач, в специальном кармашке колчана для стрел или в лучной сумке. Но последнее время его стали надевать в украшенных ножнах на пояс, как правило в тех случаях, где следовало появляться без меча и доспехов.

Выехали из ворот на Бронную. Кузнецы уже разогревали свои печи, подмастерья таскали инструменты и железо к печам – день улицы мастеров начался с первыми лучами яркого солнца. Оставив телегу у входа в палату, Боеслав прошел мимо стражи в зал, где сидел дьяк за столом и, разложив бумаги, точил перья, готовясь к своей писарской работе. Вид у дьяка был помятый, видимо вечером хорошо погулял, а выспаться не дали, кликнули в палату с рассветом.

В зал вошел Савва и сел рядом со стулом княжича. Боеслав хотел подойти к Савве, поинтересоваться, чего ему ждать, но тот, заметив его движение, взмахом руки удержал его на месте и жестом показал, что все хорошо.

В зал вбежал княжич – все встали и поклонились, – а он, не успев сесть на свой стул, злым голосом спросил у Боеслава:

– На какую охоту ты уехал, нарушив мой приказ?

– Прости, великий князь, – сказал Боеслав, встав на колени, – милости прошу. Доложили мне о том, что дружинники тверские везут подарок от хана князю своему за доносы и подлости свершенные. Времени спрашивать разрешение на выезд из Москвы не было. Вот я этот подарок у них тайно и забрал, оставив след рязанский. Пушку, ядра металлические, порох монгольский и мастера-пушкаря китайского привез.

– И где все это? – спросил княжич.

– Во дворе у входа в палату, – сказал Боеслав, склонив голову до пола. – А еще письмо у сотника было от хана к князю тверскому, я его у спящего дружинника забрал и тебе привез, великий князь.

– Отправить бы тебя в дальний монастырь да в темнице холодной подольше подержать за озорство твое и неповиновение. Да мало у меня умных и смелых людей, которым можно доверять, одни трутни! – Княжич указал на помятого дьяка-писаря, которого после этих слов разобрала икота. – Ладно, наказывать не буду, но благодарности не дождешься. Есть срочное

задание, никого кроме тебя послать не могу. О задании этом тебе дьяк Стыряга расскажет сегодня. А сейчас свободен, иди к себе на подворье и жди.

Боеслав вскочил, три раза поклонился княжичу, затем Савве и выскочил из палаты. Во дворе стоял Бус, который доложил, что телегу и китайца дружинники княжича забрали.

– Все идем на подворье, – сказал Боеслав, схватив Буса за рукав и волоча его в сторону Бронной.

Дружинники на подворье после сытной трапезы грелись на утреннем солнце, разомлев от домашней еды. Приводили в порядок доспехи, чистили одежду и сапоги. В тени крыльца большого рубленого дома на ступеньке сидел монах Мал. Когда Боеслав с Бусом зашли во двор, Мал встал и, поклонившись, поздоровался с пришедшими, по приглашению Боеслава последовал за ним в дом. Когда они зашли в комнату, Боеслав показал Малу на стул и присел сам. Монах Мал поведал, что в засаде на Боеслава ночью у леса участвовали два рязанских дружинника, их трупы он обнаружил у засечной заставы на Язуе.

– Я, – сказал Мал, – нашел их по отпечаткам подошв сапог, которыми они наследили во время первой засады на опушке леса. Эти же следы были и у засечной заставы. наших сторожей засечной заставы убили ночью ножами во время сна, а тех, кто стоял в охранении, застрелили из луков. Знатное побоище было, трупы сторожей засечной стражи литовцы в землянку сбросили, туда же и трупы своих побросали, тех, кого ты со своими дружинниками порубал и на мосту взорвал, видимо спешили. Литовцы, что были в засаде и остались живы, ушли в сторону Рязани. Я по следам прошел и нашел их трупы, живы они были до первого привала, их сонными порезали так же, как сторожей, – подсадачным ножом в ухо. Я их называю литовцами, потому что пятерых из двадцати ратников, участвующих в засаде, я узнал – они были из дружины Ольгерда, киевляне. Киевское княжество сейчас под властью Великого княжества Литовского, куда сами напросились. А литовцы уже и князей своих в Киев сажают управлять полянами и дружины их используют для походов на Москву. Я часто к митрополиту в Киев ездил, помню их. А вот двое из рязанской дружины были – их монах, что из Москвы со следствием приехал, опознал, он в Рязани служил, они к нему на исповедь приходили. Кто остальные, неизвестно, но на теле у некоторых клеймо в виде дубового листа. Это языческое клеймо литовское, у других нательные кресты католические – одним словом, литовская это дружина. Двое живых из этой дружины ушли конно, изменив маршрут, видимо в Литву, а там кто их знает... Возможно, побоятся возвращаться с такими вестями и уйдут наемниками к тевтонам или монголам. Всех своих, кто выжил, они убили, чтобы рассказать не могли, как опозорились, теперь прятаться будут, пока про них не забудут. Все трупы мы в погреб засечной стражи перетащили, положили их на лед.

– А это еще зачем? – удивился Боеслав.

– А зачем – узнаешь от Стыряги, он уже за дверью стоит, – сказал Мал и вышел из комнаты. В дверь зашел, улыбаясь, Стыряга, маленький дьячок лет пятидесяти с хитрыми глазками, протянул Боеславу грамоту.

Боеслав развернул свиток и, прочитав, сказал монаху:

– Значит, ты теперь мой командир!

– Командир ты, как человеку ратному – тебе своими дружинниками и командовать, менять они не послушаются. А вот я при тебе старший советник, и ты меня слушаться будешь, как в грамоте сказано. Молод ты хоть и умен, но в посольских делах слаб, потому я к тебе и приставлен. Коли обидел, прости, но я тоже до пострига: сотником был у московского князя Юрия, внука Александра Храброго, теперь его Невским называют.

Боеслав махнул рукой:

– Да я не обиделся, видел ваших монахов в Куликовской битве – ничего не скажешь, храбрецы! Ну, тогда завтра выезжаем, утром буду ждать на выезде из Москвы, на дороге у Язуы рядом с Сокольнической засечной заставой.

Монах встал, перекрестил Боеслава и ушел с подворья. Боеслав вышел следом, с крыльца обратился к дружинникам:

– Всем отдыхать! Завтра утром выезжаем в поход, проверить всем вооружение, запастись стрелами.

Бус постучал в дверь Боеслава, принес чай и мед. Боеслав заметил его хитрый и любопытный взгляд:

– Ну спрашивай, что хотел?

Бус присел на край лавки у стола:

– А зачем ты, сотник, рукавицы и подшлемник рязанской дружины на Строганце оставил?

– Ясно, зачем – чтобы не на нас, а на рязанских дружинников подумали. Рязанский князь Олег одинок не в плане семьи, а в отсутствии друзей княжеского рода, он умен и смел, а вот с родословной у него... Никто не знает, где он родился, да если уж на то пошло – и от кого. А знатность рода – это важный аргумент в княжеской власти. Не будет почета и уважения, коль родом слаб, да и помощи, в том числе ратной, тоже не жди. Вот Мамай был воин от бога, умен и хитер, а по роду своему дворняжка, поэтому и пришел ему на смену Тохтамыш. Но Тохтамыш слишком высоко вознесся, а умом не силен, да и советниками толковыми не обзавелся, одни льстецы вокруг него собрались. Поэтому и не понимает, что не все худародные ему по зубам, и я думаю, зубы он свои об Тамерлана обломает, а мы ему в этом поможем. За то, что рязанские, суздальские и нижегородские князья на стороне Тохтамыша выступили, кто-то должен ответить, а другие князья должны увидеть и испугаться. Наш великий князь женат на суздальской княжне, а Суздаль и Нижний Новгород под одним князем. Эта свадьба послужила перемирием и возвращением ярлыка на великое княжение в Москву в шестилетней войне Москвы с Суздальско-Нижегородским княжеством. Тогда их князь ярлык на великое княжение получил, убедив хана, что Дмитрий, в девять лет став московским князем, не в состоянии на Руси править. Тверской князь Михаил, как и все из его рода, хочет русским царем стать, завидует нашему великому князю, что он Русь объединяет и призывает монголам не подчиняться и дань не платить. Но Михаилу этой власти не видать – монголы не допустят, а они пока сильны, да и русские князья против него будут.

Бус затряс головой:

– Ничего не пойму!

– Сейчас объясню, – сказал Боеслав. – Монголы не любят тверских князей за их непредсказуемость и скудость ума. Князь Михаил, дед нынешнего князя, ненавидел московского князя Юрия и напал на него, когда тот возвращался из Орды с ярлыком на великое княжение. Одного Михаил не знал: что, находясь в Орде, Юрий влюбился в красавицу Кончаку и женился на ней. В Орде в православном приходе ее крестили, и имя она православное получила после крещения – Агафья. В этой же церкви после крещения их и повенчали. Во время нападения взять в плен Юрия не удалось, а вот Агафью пленили. Она с расстройства умерла, а была эта красавица любимой сестрой хана Орды Узбека. Вот Михаилу в Орде голову за такие дела и отрубили. А чуть позже – и сыну его Дмитрию Грозные Очи, за то, что он, встретив в Орде князя Юрия, зарубил его за гибель отца, а монголы Юрию неприкосновенность гарантировали. Затем тверской князь Александр «отличился»: монгольского посла убил. А монголы за убийства своих послов целые города вырезали и сжигали – и князя, конечно, тоже не пощадили. Так что монголы ярлыка на княжение владимирское и московское тверским князьям никогда не дадут. После сожжения Москвы тверской князь поехал в Орду в надежде получить ярлык на великое княжение, но вернулся ни с чем. А князья Руси тоже за Михаилом Александровичем не пойдут и близко к великокняжеской власти не подпустят. Потому как мама его дочерью польского князя Казимира была и сестра его Ульяна замужем за Ольгердом, князем Великого княжества Литовского, врагом Руси. К тому же сейчас Литва шатнулась к католикам. Никто

из славянских князей не будет способствовать католикам на Русь прийти, хватит с них Галицко-Волынского княжества, где дед Михаила тверского королем католическим себя объявил, а Римский Папа поддержал и корону ему прислал. Естественно, с такой родословной тверского князя не тронут до поры до времени, а вот рязанский князь своим наказанием должен примером послужить, как русским князьям с монголами дружить и кратчайшую дорогу к Москве ордынцам показывать. Он договор с Дмитрием за год до похода монголов на Москву подписал и признал себя братом младшим, подчиненным Дмитрию во всем, и должен был выступить на его стороне против монголов. И если уж не препятствовать проходу к Москве монголов силой своей дружины, то хотя бы предупредить Москву и Дмитрия о приближении Тохтамыша. А монголы у стен Кремля оказались, обойдя все засечные стражи и перейдя Оку по броду, о котором они и знать не должны были, и только князь Олег им его мог показать. Мало этого, так он стал грабить ратных людей, возвращающихся с добычей после победы над Мамаем с поля Куликова, вместе с литовцами, хотя сами в этой битве не участвовали. Наш князь решил, что добычу эту, которую он у дружинников отнял, силою вернуть должен и кровью своих подданных заплатить. Олег к тому же женат на дочери великого князя язычника Ольгерда и сейчас к власти в Литве пришел ее брат Ягайло, который вначале был отстранен от управления княжеством православным дядей своим Кейсутом за тайные переговоры с тевтонами, которых тот терпеть не мог и выступал за сближение с московским княжеством. Племянник дядю задушил и теперь будет полновластным правителем Великого княжества Литовского. Олег отказался от участия в битве на Дону, потому что Ягайло решил принять участие в этой битве на стороне Мамаея. Не стал бы князь Олег выводить свою дружину против родного брата жены. Евфросиния, жена Олега, счастлива в браке, и мужа своего уважает, и в дела ратные не вмешивается, а занимается хозяйственными вопросами княжества, и здесь ей равных нет, конечно, после нашей княжны Евдокии Дмитриевны. При таких делах семейных Литва им не грозит, значит, на одного врага меньше, но и с великим князем Руси и объединителем земель славянских Олег тоже не хочет быть слишком близок... Ну, хватит разговоров, – сказал Боеслав Бусу, – выстави охрану у подворья, и спать.

Рано утром, еще до первых петухов дружина Боеслава выехала с подворья в сторону моста на реке Яузе к Сокольнической заставе. Похолодало, погода начинала меняться не в лучшую сторону: небо заволочло тяжелыми тучами – значит, жди грозы. Но после жары поездка по прохладе была приятна.

У частокола заставы засечной стражи их ждал Стыряга, рядом стояли десять телег, на которых сидели молодые ратники в крестьянской одежде, призванные в посошную рать и еще не переодетые в броню. Стыряга перекрестил дружину Боеслава и прочитал молитву. Затем дал команду новым сторожам выставить два поста на подъездах к заставе, чтобы никакого близко не подпускать. Убедившись, что они на местах, махнул рукой посохе и крикнул:

– Грузите!

Посошники совместно со сторожами засечной стражи на носилках перенесли замороженные трупы убитых сторожей, а также литовских и рязанских дружинников в телеги, засыпали их льдом из погреба и укутали толстым слоем рожи.

Когда все было готово, Стыряга громко крикнул:

– Хоронить едем! – и обоз тронулся в путь.

Дружинники Боеслава недовольно перешептывались, что из них похоронную дружину сделали. Так молча к вечеру, но довольно быстро по холодку доехали до нового низового города на Оке. Здесь на засечной заставе у моста через реку остановились. Стыряга приказал Боеславу оцепить своими людьми подъезды к заставе и всех путников разворачивать и отправлять восвояси в связи с ремонтом моста. Подводы с трупами стали разгружать, раскладывая убитых так, словно они погибли во время битвы на заставе.

Расставив своих дружинников по местам, Боеслав подъехал к Стыряге:

– Я понимаю, что делают так, словно здесь только что была битва наших сторожей с литовцами и рязанцами, но убитые сторожа с Сокольнической заставы – не местные...

Стыряга ему ответил:

– Ты, Боеславушка, не знаешь, но сторожей постоянно меняют и переводят с заставы на заставу, чтобы не привыкали к местным благам. А вот утром новая дружина сторожей, пришедшая якобы на смену, и обнаружила нападение, и будет следствие и наказание.

Ночью все закончили, и еще до рассвета в сторону Москвы ушли телеги с посошниками, затем отпустили и Боеслава с дружиной, их места в охранении заняли сторожа засечной стражи. Боеслав попрощался со Стырягой и спросил, едет ли он в Москву, но тот, махнув рукой, сказал:

– Куда тут ехать, следствие необходимо провести по нападению литовско-рязанской дружины на сторожей княжества московского! Затем письмо князю рязанскому отписать по этому поводу, да и погибших воинов необходимо отпеть и захоронить по православному обычаю.

Не успели ратники Боеслава отъехать от Оки, как пошел сильный ливень. Дороги размыло в холодную жижу, поэтому на московское подворье заехали только ночью. Хорошо, что слуги уже протопили баню и приготовили ужин. Когда спешились, Боеслав собрал своих дружинников и предупредил, чтобы о том, что было, молчали, иначе не сносить головы тем, кто свои языки распустит. В ответ дружинники говорили, что они воины, а не купцы продажные.

Глава 5 В Рязани

На следующий день Боеславу с дружиной дали время отдохнуть и побыть с семьями. «По всему видно – к боевому походу готовятся, – подумал Боеслав, – если три дня дали на отдых». Собрав свою дружину, сообщил о дне сбора, выдал всем серебра за службу и, оставив двух бессемейных в охране подворья, поехал к своим жене и детям.

Жена Доброслава уже ждала его у ворот, красивая и нарядная, с двумя сыновьями двух и трех лет – Олегом и Борисом. Олег, видимо, унаследовал сирийские корни: был не по-славянски загорелый, черноволосый и во взгляде строг, а младший Борис, славянская душа, весь в маму – светло-рус и улыбчив не в меру. Их разница в один год почти не чувствовалась, все думали, что они двойняшки. Доброслава чувств своих не показывала на людях, взяла детей на руки и степенно подошла к мужу.

Боеслав ловко спрыгнул с коня, сверкая голубой шелковой рубахой, вытащил из кожного мешка, притороченного к седлу, соболью шубу и набросил ее на плечи жены под радостные крики соседей. Взяв у супруги детей на свои сильные руки, скромно поцеловал ее под причитания соседок и домочадцев и пошел в дом под руку с женой. Боярское звание требовало степенности и почета, и он показал свою силу воли перед крестьянами, коренным народом Руси, держателями традиций предков и христианской славянской морали.

По случаю возвращения пира не устраивали, но с женой всех соседей навестили и угостили заморскими сладостями, халвой ореховой и пряниками московскими. Когда с женой закончили разговоры о хозяйственных делах усадьбы, Боеслав попросил ее присмотреть для него молодых ловких и сильных ребят из многолетних обедневших семей, чтобы использовать их на службе ратной, а пока при дворе содержать на довольствии и поручениях боярских. А Ахриму, состарившемуся ратнику дружины Ивана Красного, велел воинскому делу молодежь этих обучать, и кто преуспевать будет – оставить, а других в дворовые наймиты отправить, на хозяйские работы.

Утром следующего дня супруга поехала с Боеславом верхом показывать родовую вотчину. Доброслава была не по годам умна и хорошо управлялась с хозяйством, была уважаема сельской общиной за свое трудолюбие. Заранее предвидя, какую тоску вызовут у мужа поля озимых и курятники, завезла его в кузню. Здесь трудился коваль-наймит из балтийских славян, как говорится, мастер на все руки. Доброслава заранее попросила его выковать пластинчатый доспех Бригантину, который этот кузнец ковал для тевтонцев, и пернач как символ воинской власти. Это были не просто подарки для мужа, а еще и напоминание в боевых походах о его заботливой и любящей женушке. Когда Боеслав увидел подарок жены, выкованный мастером, хорошо понимавшем в ратном деле, то был в неопишемом восторге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.